

НЕМАТЕРИАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА¹

ГУЖАВИНА ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: tanja_gta@mail.ru

Экономические кризисы стали частью повседневной жизни населения нашей страны. Кризисные ситуации заставляют мобилизовывать ресурсы с целью адаптации к вновь возникающим условиям и сказываются в первую очередь на материальном положении россиян. В то же время экономические ресурсы для адаптации, которыми располагает население, являются исчерпаемыми. Однако существуют и нематериальные ресурсы, к числу которых относятся ресурсы социального капитала, которые формируются в системе устойчивых неформальных связей и отношений, созданных на добровольной основе, что и делает их источником получения благ. Построение данных связей происходит на основе доверия, а их расширению способствует включенность в сетевые структуры. Изучение нематериальных ресурсов адаптации позволяет рассмотреть данный процесс в контексте концепции социального капитала и ее ресурсного среза. Цель работы – выявить, использует ли население нематериальные ресурсы в качестве адаптационного ответа на кризисную ситуацию. Эмпирическим материалом для исследования стали данные, полученные в ходе опросов общественного мнения, проводимых Федеральным государственным бюджетным учреждением науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» на территории Вологодской области. Исходя из теоретически обоснованной связи категорий «социальный капитал» – «доверие» для анализа были выделены группы респондентов, различающиеся по интегральному индексу доверия, который характеризует имеющийся в их распоряжении социальный капитал. Установлено, что группы респондентов, отличающиеся более высоким индексом доверия, демонстрируют

Цитата: Гужавина Т.А. Нематериальные ресурсы адаптации населения в условиях кризиса // Проблемы развития территории. 2018. № 3 (95). С. 45–57. DOI: 10.15838/ptd.2018.3.95.3

Citation: Guzhavina T.A. Non-material resources of adaptation of the population in the context of crisis. *Problems of Territory's Development*, 2018, no. 3 (95), pp. 45–57. DOI: 10.15838/ptd.2018.3.95.3

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ. Грант «Региональный социальный капитал в условиях кризиса» № 16-03-00188/16.

более позитивные оценки своего материального состояния, что можно рассматривать как результат использования имеющегося объема социального капитала и более успешной адаптации к изменившимся условиям. Изучение ресурсов адаптации населения региона позволит оценить имеющиеся возможности, выявить источники адаптационных ресурсов, понять механизмы социальной адаптации, принять адекватные управленческие решения в поддержку нуждающихся групп.

Социально-экономическая адаптация, адаптационные стратегии, кризис, ресурсы адаптации, нематериальные ресурсы адаптации, социальный капитал.

Введение

Кризисная ситуация, в которой находится в настоящее время российское общество, характеризуется высокой степенью неопределенности и нестабильности. Как считает французский политолог и социолог М. Добри, кризисы «это конъюнктурные трансформации социальных систем» [1]. Возникает вопрос о направленности такой трансформации, о ее ресурсах, о субъектах. Кризис усиливает ситуацию неопределенности. По мнению В. Якубовича, профессора The Wharton School University of Pennsylvania, в условиях неопределенности, как показал многолетний опыт развития европейских стран, наиболее ощутимое воздействие на успех бизнеса оказывает не что иное, как социальный капитал [2].

Возникновению экономических кризисов 1998–1999 гг., 2008–2009 гг., 2014–2015 гг. способствовали самые разные причины как эндогенного, так и экзогенного характера. Однако кризис 2014–2015 гг. имеет свои особенности. По мнению Н.Е. Тихоновой, к их числу можно отнести более высокий уровень восприятия населением своего материального положения и своей жизни в целом, с которым оно вошло в кризис, консолидацию нации после воссоединения России и Крыма, а также его меньшую глубину, несмотря на острое начало [3]. Сюда следует добавить и еще один фактор – наличие у населения опыта выживания в условиях современных кризисов. Фактически, как утверждает О.Н. Яницкий, адаптация для населения нашей страны стала «вечной проблемой» [4]. Значимость изучения адаптации определяется прежде всего тем фактом, что ресурсный потенциал любой социальной системы не безграничен. В связи с этим представляет интерес изучение адаптационных ресурсов

нематериального характера, которыми располагает население и которые используются для приспособления к изменяющимся под воздействием кризиса условиям жизни.

Теоретические основы анализа

Существует достаточно большой массив научной литературы, посвященной вопросам социальной адаптации. Ее рассматривают как в широком, так и в узком смысле. В рамках философской интерпретации адаптацию трактуют как процесс, в ходе которого устанавливается или поддерживается приспособленность системы при изменении условий внешней и внутренней среды [5]. В более узком смысле данная категория используется конкретными науками для обозначения изменений, происходящих с объектами их изучения (организмом в биологии, индивидами в психологии, группами или общностями в социологии и т. д.) в результате воздействия на них различных факторов.

Изучение адаптации традиционно является объектом внимания социологов. В социологической интерпретации «социальная адаптация представляет собой сложный и многосторонний процесс приспособления индивида и/или социальной группы к изменяющейся социально-экономической, социокультурной и политической среде, имеющих целью обеспечение устойчивости образа жизни, а также его изменения на основе осуществления инновационных трансформаций в повседневной жизнедеятельности» [6, с. 11].

Адаптацию рассматривают через призму теорий социализации, социального равновесия, аномии, понимающей социологии и ряда других. Проблемам адаптации уделяли внимание Э. Дюркгейм, М. Вебер, П. Сорокин, Т. Парсонс, Р. Мертон, П. Бурдьё, Э. Гидденс.

Каждый из названных авторов внес свой вклад в понимание сущности данного процесса, отметив ее значение для развития общества и преодоления кризисных этапов.

Отечественная наука активно изучает процессы социальной адаптации, что привело к формированию ряда концепций. Т.И. Заславская и М.А. Шабанова в контексте структурно-деятельностного подхода предложили теорию адаптации, в которой они рассматривают адаптационные процессы через призму индивидуальной и групповой свободы выбора. Оценку результатов адаптации следует давать в соотношении с временным моментом и с достижением ее целей [6, с. 125]. Именно в таком контексте адаптация будет, по мнению ученых, способствовать развитию человеческого капитала.

Интегративная концепция социальной адаптации Л.В. Корель рассматривает целый ряд важнейших для понимания сущности данного процесса вопросов, в том числе и адаптивного потенциала, который понимается автором как совокупность свойств, качеств, характеристик (ресурсов), которые существуют у адаптанта в скрытом виде и «задействуются», то есть актуализируются, в ходе адаптации [7].

Значительным вкладом Л.В. Корель в изучение адаптации стала разработка ею двух концептуальных подходов касательно архитектоники адаптивного механизма, от которого зависит способ адаптации. А тот, в свою очередь, ориентирует на выбор ресурсов. По мнению автора, эти подходы носят универсальный характер и могут быть использованы при изучении адаптационных механизмов самых различных социальных систем, будь то организации, институты, территориальные общности и т. д. [8].

Ресурсам адаптации уделено значительное внимание и в концепции Е.М. Аврамовой, трактующей адаптацию как вид взаимодействия личности или социальной группы с социальной средой. Основное внимание при этом уделено нематериальным ресурсам, к числу которых отнесены достигнутый уровень образования, культуры, профессиональ-

ной квалификации, а также выстроенные человеком социальные сети [9; 10].

Концепция социального капитала позволяет несколько иначе взглянуть на адаптацию и ее ресурсы. Рассматривать социальный капитал как ресурс одним из первых стал П. Бурдье, заметив, что связи могут быть ресурсом получения выгоды [11]. Данный ресурс базируется на отношениях членства в определенной группе и аккумулируется в социальных сетях. Социальный капитал является, как считает французский социолог, групповым, а не индивидуальным ресурсом, поскольку он производится обществом и в обществе. Следовательно, социальный капитал является социальной и классовой практикой, механизмом достижения групповой солидарности. Впрочем, социальный капитал в его понимании является не столько средством получения экономических выгод, сколько проявлением экономических и социальных условий общественного развития.

Бурдье указывает на взаимосвязь в обществе между уровнями экономического развития и социального капитала, которые детерминированы политическим строем, религиозными традициями и устоявшимися ценностями. По его мнению, через социальный капитал экономические агенты могут получать прямой доступ к экономическим ресурсам и интегрироваться в определенные институты. Он предлагает понимать капитал как динамический ресурс, который можно конвертировать, а также изменять форму.

Дж. Коулмен определил данный феномен как потенциал взаимного доверия и взаимопомощи, который целенаправленно сформирован в межличностном пространстве. По мнению Дж. Коулмена, социальный капитал, как и другие формы капитала, является продуктивным, но в отличие от них он возникает и реализуется в структуре отношений между людьми и среди людей. Коулмен был первым, кто утверждал, что социальный капитал не является чем-то принадлежащим исключительно элитам, и таким образом трактовал его как общественное, а не частное благо. Он определял социальный капитал как

состоящий из любых социально-структурных возможностей или ресурсов, которые полезны для индивидов в конкретных действиях, что и характеризует социальный капитал как общественное благо. Эти коллективные активы и функции доступны для всех членов группы независимо от того, какие именно члены реально способствуют, поддерживают или наращивают эти ресурсы. Социальный капитал понимается как внутренне присущий ресурс в социальных отношениях, который облегчает коллективное действие и достижение социального сплочения общества. В качестве инфраструктуры социального капитала Дж. Коулмен выделил социальные сети, подчеркнув при этом роль доверия и социальной поддержки [12]. Фактически П. Бурдье и Дж. Коулман заложили основы ресурсного подхода к пониманию социального капитала. В дальнейшем эта традиция получила дальнейшее развитие. В ее рамках социальный капитал понимается как «способность акторов мобилизовать свои социальные контакты для достижения ценных и значимых ресурсов» [13, с. 252].

О роли и значении социального капитала в жизни российского регионального социума писали многие исследователи данного феномена [14; 15; 16]. Собственно и сама концепция социального капитала во многом зародилась при анализе ситуаций, в которых одни регионы находили возможность развития, а другие продолжали стагнировать [18; 19]. Исследование, проведенное Р. Патнемом и С. Хеллуэлом в Италии [17], было с успехом воспроизведено С. Панебьянко в Германии [18]. Кризисная ситуация оказывает сильное воздействие на социальный капитал, поскольку от него во многом зависит адаптационный ответ регионального сообщества. Он в значительной степени определяет границы адаптационных возможностей территориального сообщества.

Социальный капитал присутствует в структуре связей индивидов или групп. Это весьма гибкое образование, которое изменяется в процессе жизнедеятельности индивидов. Смена территориального сообщества,

профессиональной сферы деятельности, изменение семейного положения однозначно вносят изменения в структуру отношений, в которых присутствует индивид. Социальные потрясения, к которым можно отнести экономические кризисы, политическую нестабильность и ряд других факторов, также в значительной степени изменяют структуру социальных связей и отношений, а следовательно, и социальный капитал как таковой. Отметим также и значение типа социального капитала, носителем которого является тот или иной индивид. Классификация была предложена Р. Патнемом, обратившим внимание на характер связей агентов. В случае широких внешних связей формируется открытый тип, в случае ограничения таковых – закрытый [18]. Это наблюдение оказалось весьма значимым, поскольку внешние эффекты для групп с обладанием открытым социальным капиталом оказываются более положительными. Различия в типах социального капитала выявили и другие исследователи [21; 22; 23]. Бельгейсдейк и Смалдерс установили, что открытый социальный капитал позитивно влияет на экономический рост, тогда как закрытый ведет не просто к ограничению контактов, а к сужению социальных интересов, круга контактов, к недоверию окружающим [24].

Открытый и закрытый его типы имеют место в любой ситуации. Однако преобладание одного из них во многом ситуативно обусловлено. Влияние оказывают факторы экономической стабильности или нестабильности, распространенности или ограниченности отношений доверия, приверженности социума нормам или его аномичности.

Социальный капитал создается в процессе повседневной деятельности и требует для этого определенного времени и инвестиций, в качестве которых выступают помощь, поддержка, услуга. При этом создаются так называемые доверительные расписки (термин Дж. Коулмана), которые со временем будут востребованы. У социологов и антропологов данный тип связей был обозначен как реципрокность. Оказывая помощь кому-то

сейчас, индивид может обратиться за ней в будущем в случае необходимости. Для такого взаимодействия необходимы общие нормы и структуры (сети отношений). Социальные структуры – это основа, благодаря которой может формироваться социальный капитал. Связи сами по себе не являются социальным капиталом – им они также становятся только в том случае, если используются целесообразно и с пользой. Если же индивиды не смогут использовать существующие между ними связи для получения определенной пользы, то социальные структуры при этом «сами по себе» социального капитала тоже не создадут. Общие нормы поведения и институты («институты»), которые обуславливают поведение, действие и социальное взаимодействие, приобретают смысл только в том случае, если являются целесообразными, обладают ценностью ресурса или предоставляют пользу индивиду или организации.

Рассматривая природу социального капитала, следует отметить, что центральное место в его структуре занимает доверие. Это подтверждается и тем, что практически все авторы, изучающие социальный капитал, ставят его на одно из центральных мест. Доверие и социальный капитал рассматриваются в тесной связи как взаимодополняющие категории. Мы солидарны с точкой зрения П.М. Козыревой в ее оценке значимости проблемы доверия, утверждающей, что «с одной стороны, социальный капитал предстает как некий потенциал общественного взаимодействия, являющийся результатом достигнутого доверия между членами сообщества, с другой стороны, достигнутый уровень доверия выступает выражением накопленного запаса социального капитала» [25].

Изучая социальный капитал, следует иметь в виду, что собственно механизм возникновения и развития доверия в сетевых структурах рассматривается как процесс формирования социального капитала. Именно на его основе формируется способность к сотрудничеству, к ассоциативной деятельности, возможен диалог между акторами. Будучи включенными в действующую сеть со-

циальных отношений, они не только следуют заданным правилам поведения, но и творчески преобразуют его в зависимости от изменяющейся ситуации.

Экономический кризис вызывает кризис доверия, что ведет к разрушению социального капитала. Это снижает его адаптационные возможности. Преобладающим становится социальный капитал закрытого типа, ориентированный на связи кровнородственного характера, обеспечивающие прежде всего выживание, а не развитие. Тогда как более высокий уровень доверия, соответствующий открытому типу социального капитала, создает и большие адаптационные возможности. В то же время закрытый социальный капитал, характеризующийся более низким уровнем доверия, способствует выживанию индивида в краткосрочной перспективе.

Методология и методика исследования

Для анализа используемых данных прежде всего была проведена систематизация нематериальных ресурсов, имеющих отношение к социальному капиталу регионального сообщества, а также их операционализация. В дальнейшем данная классификация была использована при анализе эмпирических данных.

Эмпирическими данными для изучения адаптационных ресурсов социального капитала населения Вологодской области послужили результаты исследований, проводимых Федеральным государственным бюджетным учреждением науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (далее – ФГБУН ВолНЦ РАН²) в режиме мониторинга начиная с 1995 года, и данные опроса, проведенного в 2016 году в рамках исследования по гранту «Региональный социальный капитал в условиях кризиса». Объем выборки составляет 1500 человек. Опрашивались жители области старше 18 лет в двух крупных городах (Вологда, Череповец), а также в 8 районах области (Бабаевский, Великоустюгский, Воже-

² До августа 2017 года Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук.

Таблица 1. Типы ресурсов, входящих в социальный капитал, их интерпретация и операционализация

Ресурс	Интерпретация	Операционализация
Включенность в социальные сети	Включенность в формальные и неформальные сети, оценка структуры связей, сетевое взаимодействие	Участие в деятельности различных организаций, использование сети Интернет, наличие в окружении обладателей ресурсов
Радиус межличностного доверия	Круг лиц (или социальных групп), входящих в единую систему доверительных отношений	Доверие личному окружению, родным, друзьям, знакомым, коллегам
Доверие институциональной среде	Институциональное доверие характеризует уровень доверия к представителям различных профессий, а также к различным сферам жизни общества	Доверие профессиям, доверие институтам
Локус ответственности	Готовность взять на себя определенные обязательства и отвечать за них перед окружающими	Ощущение меры ответственности за состояние дел в месте проживания

Источник: составлено автором.

годский, Грязовецкий, Кирилловский, Никольский, Тарногский и Шекснинский). Выборка целенаправленная, квотная. Способ отбора респондентов – многоступенчатый квотный отбор, квотируемые признаки – пол, возраст. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Основная гипотеза, на проверку которой направлен анализ данных, состоит в предположении о том, что нематериальные ресурсы, в частности социальный капитал, оказывают влияние на результаты адаптации в условиях экономического кризиса. Основное значение имеет такой фактор, как доверие, формирующееся в сетях отношений и обеспечивающее возможность получения помощи и поддержки. Благодаря включенности в сети акторы получают доступ к благам, прежде всего экономическим. Отражением этого и служит выявленная связь между индексом социального капитала и самооценкой материального положения, а так же более оптимистичные экономические установки у доверяющих.

Анализ эмпирических данных

Полученные в ходе исследования данные дают нам представление о том, как вологжане реагируют на изменения экономической ситуации, которая отражается в первую очередь

на восприятии ими своего материального положения. Годы 2008 и 2014 аналитики считают пиками кризиса [26; 27; 28; 29]. Именно в эти периоды наблюдаются наиболее заметные спады в уровне самооценок респондентами своего материального положения. Однако наблюдаемые позитивные изменения могут свидетельствовать, по нашему мнению, не столько об улучшении экономической ситуации, сколько о некоторой адаптации населения к изменившимся условиям.

Кризис является значимым фактором в изменении оценок. Об этом свидетельствуют и индексы текущего личного материального положения (индекс ЛМП), индекс ожиданий изменения личного материального положения (индекс ОИЛМП), а также индекс ожиданий развития экономики страны в ближайший год (индекс ОРЭС)³. Снижение индексов показывает динамику ожиданий населения относительно изменений в экономическом положении как собственном, так и на уровне страны в целом. Индексы упали после кризиса 2008 года и заметно снизились после кризиса 2014 года. 2016 год принес незначительные позитивные изменения, которые назвать устойчивой тенденцией нельзя (табл. 2).

В условиях кризиса перед населением встает задача поиска возможной стратегии выхода из сложившейся ситуации, приспособления к ней. При этом адаптация может

³ Расчет индексов проводится по стандартной методике: из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных. К полученному результату прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете свое материальное положение: оно лучше или хуже, чем было год назад?», % от числа опрошенных

Год	Лучше	Такое же	Хуже	Затрудняюсь ответить	Индекс ЛМП	Индекс ОИЛМП	Индекс ОРЭС
2016	7,0	44,9	37,7	10,5	69,2	79,8	76,4
2015	7,5	42,2	35,6	14,7	71,9	77,3	75,7
2014	9,4	52,7	26,4	11,5	83,0	87,5	86,8
2013	11,5	53,4	24,5	10,6	87,0	91,1	93,1
2012	10,6	58,7	21,3	9,4	89,3	90,4	95,0
2011	9,0	53,6	27,2	10,3	81,8	90,6	96,5
2010	7,2	47,8	34,3	10,7	72,9	86,2	94,3
2009	4,9	42,4	42,8	9,9	62,1	80,9	71,8
2008	14,6	56,5	18,4	10,6	96,2	97,5	112,6
2007	14,5	60,5	13,4	11,5	101,1	103,6	124,4

Источник: данные мониторинга ФГБУН ВолНЦ РАН 2007–2016 гг.

быть ориентирована как на примитивное выживание, так и на использование новых возможностей. Кризис 2008 года заставил население страны искать, прежде всего, способы выживания в новых условиях. Жители Вологодской области были готовы использовать для этого самый широкий набор стратегий (табл. 3, 4).

В адаптационных стратегиях, на которые ориентируется население области, преобладают стратегии экономического характера. При этом респонденты готовы использовать как активные, так и пассивные формы. К числу активных отнесем поиск дополнительных источников доходов, использование имеющейся недвижимости, переезд в другой регион, участие в акциях протеста. Безусловно, ведущей стратегией является поиск дополнительного заработка.

Значительна и группа пассивных стратегий. В этой категории основной является ориентация на экономию семейных ресурсов. Более 30% респондентов выделяют данную стратегию. Кроме того, респонденты готовы тратить свои сбережения, продать имущество, взять кредит или в долг у родственников, обратиться за материальной помощью. Однако немалая доля респондентов выбрала альтернативы «ничего не буду предпринимать» и «затрудняюсь ответить». И в том, и в другом случае это может означать, что для данной категории респондентов ситуация не стала катастрофической. Часть из них имела ресурсы, чтобы пережить кризис, часть и в этих условиях сохранила имеющийся уровень

достатка или даже улучшила свое материальное положение, на что и указывает определенная доля респондентов (см. табл. 2).

Респонденты ориентируются и на стратегии неэкономического характера, хотя и в значительно меньшей степени. Среди этих стратегий миграция (4%), более активное участие в общественно-политической жизни, выражающееся во вступлении в профсоюз или партию (4%). Люди готовы к протестным действиям (4%), вплоть до радикальных (2%). Немало среди респондентов тех, кто не захотел сообщить о своих намерениях, выбрав альтернативу «затрудняюсь ответить» (17%) (см. табл. 4).

Таким образом, мы можем наблюдать различную реакцию на кризис в зависимости от того, как он воспринимается. Если это фактор социальной опасности, то он несет негативные эмоции, и люди не видят возможности для дальнейшего развития. В этом случае характерны протестное поведение и социальная апатия. Если кризис воспринимается как тяжелое время, но за ним последует восстановление социальной среды, то он несет умеренно негативные эмоции, формирует запас терпения и ориентирует на поиск путей преодоления сложившейся ситуации. Если же кризис воспринимается как ситуация, рождающая новые возможности, то это может восприниматься как ступень для дальнейшего развития и носители такого настроения могут вести себя инновационно. Они ищут способы, которые могут повысить их конкурентоспособность.

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Если Ваше (Вашей семьи) материальное положение ухудшилось или ухудшится, то что Вы прежде всего планируете предпринять?»* (несколько вариантов ответа), % от числа опрошенных

Вариант ответа	2009 год	2010 год
Постараюсь найти дополнительные источники дохода	42	45
Резко сокращу расходы, буду экономить на всем	35	36
Положусь на заботу со стороны других членов семьи, близких	8	9
Возьму кредит в банке или в долг у близких, друзей	4	3
Обращусь за денежной помощью к моему работодателю	3	2
Обращусь за пособием от системы государственного социального страхования	3	3
Буду тратить сбережения	5	4
Продам часть имущества	4	3
Использую свою недвижимость для получения дополнительного дохода	2	1
Постараюсь получить возмещение по личной страховке	1	0
Заложу в ломбард какие-нибудь ценные вещи	2	2
Ничего не буду предпринимать	8	6
Затрудняюсь ответить	15	14
Источник: данные мониторинга общественного мнения ФГБУН ВолНЦ РАН. * Вопрос задавался в 2009–2010 гг.		

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «Что Вы предпримете в случае ухудшения экономической и социальной ситуации в стране, ухудшения условий жизни?»*, % от числа опрошенных

Буду искать дополнительные источники заработка	42
Вступлю в какую-нибудь политическую партию для защиты своих интересов	2
Буду отстаивать свои интересы через профсоюзные организации	2
Приму решение о переезде в другой регион страны	2
Приму решение о выезде из России в другую страну	2
Приму участие в митингах, демонстрациях, голодовках	4
Возьмусь за оружие для отстаивания своих интересов	2
Что-то предприму, но что, еще не решил(а)	15
Никак не буду реагировать, буду терпеть дальше	2
Ничего предпринимать не буду	10
Затрудняюсь ответить	17
Источник: мониторинг общественного мнения ФГБУН ВолНЦ РАН. * Вопрос задавался в 2009 году.	

Ухудшение материального положения респондентов, которое фиксируется данными опросов, доказывает ограниченность материальных ресурсов (см. табл. 2). В этой ситуации возможно более интенсивное обращение к ресурсам нематериального характера. Прежде всего, это ресурсы, находящиеся в структурах социального капитала.

Обратим в связи с этим внимание прежде всего на доверие. Как уже отмечалось, оно формируется в сетях отношений и обеспечивает возможность получения помощи и поддержки, то есть доступ к благам. Это позволяет исследователям социального капитала считать его основным индикатором либо рассматривать их как взаимосвязанные и взаимодополняемые категории [25; 29]. Рассматривая доверие как переменную для измерения социального капитала, отметим, что оно выражает наиболее существенную характеристику социального капитала, поскольку именно на основе доверия строятся все человеческие отношения. Специфика доверия в том, что оно не связано с какой-либо потребностью. «Оно формируется как неспецифическое отношение, сопровождающее ряд других отношений, имеющих свои специфические потребности, мотивы и цели» [30, с. 104]. Поскольку доверие сопровождает другие отношения, его можно охарактеризовать как метаотношение [30]. Данное свойство делает его ключевым элементом социального капитала и создает исследовательскую возможность использования его в качестве индикатора измерения последнего.

Уровень доверия рассчитывался как средний индекс из четырех комплексных индексов: среднего индекса доверия людям (близким, друзьям, коллегам, знакомым и т. д.), институционального доверия, доверия представителям разных профессиональных групп, политического доверия. Данный индекс является интегративным, поскольку он объединяет показатели как межличностного, так и институционального доверия.

В зависимости от полученного индекса доверия все респонденты были разбиты

на четыре группы. Первая группа – люди с наименьшим уровнем доверия, четвертая – с наибольшим. В первую группу вошли респонденты с индексом в диапазоне от 1 до 2,25; во вторую группу – с диапазоном от 2,26 до 3; в третью – от 3,01 до 3,75 и в четвертую – в диапазоне от 3,76 до 5. Вошедшие в первую группу в основном выбирали альтернативу «не доверяю» по отношению к своему окружению, по отношению к институтам, с которыми они взаимодействуют, по отношению к представителям различных профессиональных групп. Индекс повышается в зависимости от роста выбора альтернатив, характеризующих доверие респондентов. Поскольку доверие позволяет индивиду выстраивать свои отношения, включаться в сети отношений, то оно обеспечивает ему тем самым доступ к ресурсам, в том числе к информационным, позволяющим адекватно действовать в зависимости от ситуации и понижать возможные риски. Сети респондента включают людей, с которыми он поддерживает контакты различной степени интенсивности.

Ключевым моментом для понимания возможности индивидов использовать адаптационный потенциал социального капитала в условиях кризиса является самооценка респондентом своего материального положения. При анализе распределения ответов на вопрос «Как бы Вы оценили нынешнее материальное положение Вашей семьи?» в зависимости от уровня доверия хорошо прослеживаются различия в оценках респондентов, принадлежащих к выделенным группам (табл. 5).

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы оценили нынешнее материальное положение Вашей семьи?» (в зависимости от уровня доверия), %

Вариант ответа	1 тип	2 тип	3 тип	4 тип
Хорошее	2,9	4,9	6,3	7,5
Скорее хорошее	7,9	8,6	9,5	12,3
Среднее	37,8	45,2	57,0	50,9
Скорее плохое	29,5	24,2	16,4	14,5
Плохое	17,8	13,8	7,8	6,6

Источник: данные опроса общественного мнения «Региональный социальный капитал в условиях кризиса», июнь 2016 года.

Так, у представителей 1 и 2 групп, имеющих индекс доверия в диапазоне от 1 и до 3, преобладают негативные оценки. Преимущественно выбраны альтернативы «плохое» и «скорее плохое». Респонденты, вошедшие в группы 3 и 4, имеющие более высокий индекс доверия, демонстрируют более позитивные оценки (см. табл. 5). В данном случае мы наблюдаем результаты реализации возможности конвертации социального капитала и его базового компонента доверия в материальный капитал, на что указывал Дж. Коулман [31].

Еще одним подтверждением нашего вывода служат данные, полученные при анализе ответов на вопрос «Материальное положение Вашей семьи за последнее время стало лучше, хуже или не изменилось?». Среди представителей 3 и 4 групп больше тех, кто считает, что материальное положение их семей не изменилось, а тех, кто зафиксировал ухудшение материального положения своей семьи, больше среди вошедших в 1 и 2 группы и продемонстрировавших достаточно низкий уровень доверия (табл. 6). Особенно это касается 1 группы, где более половины респондентов отметили ухудшение материального положения своей семьи.

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос «Материальное положение Вашей семьи за последнее время стало лучше, хуже или не изменилось?» (в зависимости от уровня доверия, без затруднившихся ответить), %

Вариант ответа	1 тип	2 тип	3 тип	4 тип
Стало лучше	4,1	7,9	7,1	8,8
Практически не изменилось	33,2	45,2	49,8	40,8
Стало хуже	50,6	38,9	24,9	25,9

Источник: данные опроса общественного мнения «Региональный социальный капитал в условиях кризиса», июнь 2016 года.

Достаточно показательны и ответы респондентов на вопрос об отнесении себя к той или иной материальной группе. Прослеживается корреляция между выявленным уровнем доверия и самооценкой положения семьи. Большим благополучием обладают представители групп, которые обладают более высоким индексом доверия. Среди пред-

ставителей 3 и 4 групп значительна доля тех, кто выбирает альтернативы «живем в достатке» и «особых денежных проблем нет». Соответственно, эта категория минимальна при выборе альтернатив «денег хватает только на самое необходимое» или «денег до зарплаты не хватает даже на самое необходимое». В то же время эти альтернативы имеют высокие значения выбора в группах 1 и 2 (табл. 7).

Более высокий индекс доверия, символизирующий большой диапазон контактов и связей респондента, очевидно, связан с более позитивными оценками своего материального положения. Это позволяет утверждать, что жители области используют ресурсы социального капитала для получения доступа к экономическим ресурсам, что делает их положение в условиях кризиса более благополучным.

Еще одним подтверждением связи между социальным капиталом и экономическими установками населения служит выявленная зависимость между уровнем и, соответственно, типом накопленного социального капитала и экономическим оптимизмом. На основе расчета индекса социального капитала для каждого респондента, включающего в себя 46 индикаторов, было выделено пять групп респондентов. Подробнее методика расчета индекса социального капитала изложена в нашей более ранней публикации [32]. Для удобства дальнейшего анализа выделенные группы были условно обозначены следующим образом: первая (обладающая самым низким уровнем социального капитала), вторая (носители закрытого социального капитала низкого уровня), третья (носители закрытого социального капитала высокого уровня), четвертая (носители открытого социального ка-

питала), пятая (носители открытого капитала высокого уровня). Как было установлено, оценки экономической ситуации находятся в прямой зависимости от показателя рассчитанного индекса. Так 33% из числа обладателей открытого социального капитала высокого уровня утверждают, что ситуация в экономике в будущем году станет лучше, и только 12% утверждают обратное. Среди первой группы (отсутствие социального капитала) нет ожидающих позитивных изменений, в то время как каждый второй (46%) уверенно заявляет об ухудшении экономической ситуации. Оценки ситуации за текущий год соответствуют занимаемой позиции. 51% респондентов, отнесенных к первой группе (низкий социальный капитал), оценивают свое материальное положение как «скорее плохое», 36% – как «плохое». Представители пятой группы (открытый социальный капитал высокого уровня) дают оценку «хорошее» (13%) или «скорее хорошее» (58%) (см. табл. 7). Вектор изменения материального положения у группы с низким социальным капиталом можно охарактеризовать как отрицательный: у 62% оно стало хуже. Улучшение не было отмечено. Иная картина в группе с социальным капиталом высокого уровня: у 63% материальное положение не изменилось, у 13% оно стало лучше. Самооценка материального положения вполне коррелирует с уровнем дохода. Среднестатистический доход, по результатам нашего исследования, на одного члена семьи в первой группе составил 11 тыс. руб., во второй 15 тыс. руб., в третьей 17 тыс. руб., в четвертой 20 тыс. руб., в пятой 22 тыс. руб. при показателе 17 тыс. руб. в среднем по всем респондентам.

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос «К какой группе Вы бы отнесли себя и Вашу семью?» (в зависимости от уровня доверия), %

Вариант ответа	1 тип	2 тип	3 тип	4 тип
Живем в достатке	0,4	1,9	1,2	3,5
Особых денежных проблем нет	14,1	11,7	18,1	24,6
На повседневные нужды денег хватает, но покупка товаров длительного пользования вызывает затруднения	34,0	48,5	46,3	45,2
Денег хватает только на самое необходимое	36,5	30,1	30,1	24,1
Денег до зарплаты не хватает даже на самое необходимое	14,9	7,9	4,2	2,6
Источник: данные опроса общественного мнения «Региональный социальный капитал в условиях кризиса», июнь 2016 года.				

Выводы

В ходе исследования была подтверждена гипотеза относительно влияния имеющегося в распоряжении индивидов социального капитала на адаптацию к изменяющейся в условиях кризиса жизненной ситуации. Можно утверждать, что роль социального капитала весьма значительна. Те категории населения, которые сумели сформировать его запас, смогли сохранить свое положение, найти стратегии для выживания. Обращает на себя внимание тот факт, что респонденты с низким индексом уровня доверия и соответственно с низким уровнем накопленного социального капитала демонстрируют ухудшение мнений относительно своего материального положения в большей степени, чем респонденты с высоким индексом, символизирующим обладание более высоким социальным капиталом. За высоким индексом доверия скрываются его широкий радиус, распространенные контакты, возможность

использования ресурсов значительного количества людей в рамках сетей, членами которых они являются. Поскольку такие сети требуют для своей поддержки определенных инвестиций, то и ресурсы, распространяемые в этих сетях, позволяют генерировать большие внешние эффекты, приносящие пользу их участникам.

Изучение с помощью теоритически обоснованного инструментария имеющихся у населения ресурсных возможностей имеет непосредственное практическое значение. Полученное знание об этих ресурсах и возможностях их использования, выделение групп с разными возможностями и перспективами доступа к внутрисетевым ресурсам могут быть положены в основу принятия эффективных управленческих решений по оказанию поддержки нуждающимся в этом группам, а также по повышению эффективности социализационных мероприятий, улучшающих уровень социальности индивидов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Добри М. Политические кризисы и революции: пути осмысления. URL: <https://iq.hse.ru/news/177669877.html> (дата обращения 04.11.2017).
2. Финансовый кризис и социальный капитал. Интервью Валерия Якубовича. URL: <https://rb.ru/article/finansovyy-krizis-i-sotsialnyy-kapital/5723477.html> (дата обращения 11.03.2017).
3. Тихонова Н.Е. Явные и неявные последствия экономических кризисов для россиян // Социс. 2015. № 12. С. 16–27.
4. Яницкий О.Н. Адаптация как вечная проблема // Власть. 2016. № 4. С. 68–74.
5. Бабосов Е.М. Структурные модели адаптации индивидов и групп к трансформациям постсоветского общества // Беларусь и Россия: социальная сфера и социокультурная динамика: сб. науч. тр. Минск, 2008. С. 11–30.
6. Заславская Т.И., Шабанова М.А. Социальная адаптация населения Сибири к рынку: критерии, факторы. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2005.
7. Корель Л.В. Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, 2005. 424 с.
8. Корель Л.В. Архитектура адаптивных механизмов социальных систем: социологический дискурс // Регион: экономика и социология. 2007. № 1. С. 169–185.
9. Аврамова Е.М. Время перемен: социально-экономическая адаптация населения / науч. ред. И.Е. Дискин. М.: Ин-т соц.-экон. пробл. народонаселения, 1998. 229 с.
10. Аврамова Е.М., Логинов Д.М. Социально-экономическая адаптация: ресурсы и возможности // Общественные науки и современность. 2000. № 5. С. 24–34.
11. Bourdieu P. The forms of capital. *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. Ed. by J.G. Richardson. New York: Greenwood Press, 1986, pp. 241–258.
12. Coleman J.S. Social Capital in the Creation of Human Capital. *The American Journal of Sociology*. Supplement: Organizations and Institutions: Sociological and Economic Approaches to the Analysis of Social Structure, 1988, vol. 94, pp. 95–120.

13. Brunie A. Meaningful distinctions within a concept: Relational, collective and generalized social capital. *Social science research*, 2009, vol. 38, no. 2, pp. 251–265.
14. Анипкин М.А. Категория «социальный капитал» и ее использование в изучении российских регионов // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 7 «Философия». 2009. № 1 (9). С. 89–94.
15. Габидинова Г.С. Содержание и структура социального капитала территории // Экономический журнал. 2013. № 3. URL: <http://cyberleninka.ru> (дата обращения 31.05.2016).
16. Найденова Л.И., Романовский Г.Б. Формирование социального капитала в условиях социально-экономической дифференциации российских регионов // Изв. высш. учебн. завед. Поволжский регион. 2012. № 1 (21). С. 136–142.
17. Putnam R., Helliwell J. Economic Growth and Social Capital in Italy. *Eastern Economic Journal*, 1995, no. 21 (3), pp. 295–307.
18. Panebianco S. *The Impact of Social Capital on Regional Economic Development*. ACSP Congress, Lovanio, 2003.
19. Афанасьев Д.В. К исследованию роли социального капитала регионов в условиях социально-экономического кризиса // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 4 (40). С. 88–108.
20. Putnam R.D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York, Touchstone Books by Simon & Schuster, 2001.
21. Fedderke J.W., de Kadt R.H.J., Luiz J. Economic Growth and Social Capital. *Theory and Society*, 1999, no. 28, pp. 709–745.
22. Paxton P. Is Social Capital Declining in United States? A Multiple Indicator Assesment. *The American Journal of Sociology*, 1999, vol. 105, no. 1, pp. 88–127.
23. Woolcock M., Narayan D. Social Capital: Implications for Development Theory Research and Policy. *World Bank Research Observer*, 2000, no. 15 (2), pp. 225–251.
24. Beugelsdijk S., Smulders S. Bonding and Bridging Social Capital and Economic Growth. *Center Discussion Paper*, 2009, no. 27, pp. 1–39.
25. Козырева П.М. Межличностное доверие в контексте формирования социального капитала // Социс. 2009. № 1. С. 43–54.
26. Экономический кризис в России: экспертный взгляд / кол. авт.; под редакцией И.Ю. Юргенса. М.: Экон-Информ, 2009. 112 с.
27. Тихонова Н.Е., Каравай А.В. Влияние экономического кризиса 2014–2016 годов на занятость россиян // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 2. С. 1–17.
28. Вхождение России в кризис (конец 2014 – начало 2015 года) // Бюллетень социально-экономического кризиса в России. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. 2015. № 1.
29. Панова А.В., Петрова М.С. Доверие как основной показатель уровня социального капитала общества. URL: http://science-bsea.narod.ru/2012/ekonom_2012_18/panova_doverie.htm (дата обращения 14.05.2017).
30. Антоненко И.В. Интегративный потенциал доверия: метаотношения и функции // Вестник Ун-та Росс. академии образования. 2012. № 1. С. 104–108.
31. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122–139.
32. Гужавина Т.А., Воробьева И.Н. Применение факторного анализа при измерении социального капитала // Социальное пространство. 2017. № 4. URL: <http://sa.vscs.ac.ru/article/2377>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гужавина Татьяна Анатольевна – кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории экономико-социологических исследований отдела исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: tanja_gta@mail.ru. Тел.: +7(8202) 55-79-23.

NON-MATERIAL RESOURCES OF ADAPTATION OF THE POPULATION IN THE CONTEXT OF CRISIS

Economic crises have become part of daily life of the population of our country. Crisis situations force people to mobilize resources to adapt to the newly emerging conditions and affect primarily the financial situation of Russians. At the same time, economic resources for adaptation available to the population are finite. However, there also exist intangible resources; they include social capital resources, which are formed in a system of sustainable informal relationships and relationships established on a voluntary basis, which makes them a source of benefits. Building these relationships is based on trust, and their expansion is facilitated by inclusion in network structures. The study of intangible resources of adaptation allows us to consider this process in the context of the concept of social capital and its resource aspect. The aim of the work is to identify whether the population uses intangible resources as an adaptive response to a crisis situation. The empirical material for the study was the data obtained in the course of public opinion polls conducted by the Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences" on the territory of the Vologda Oblast. Based on the theoretically substantiated connection of the categories "social capital" – "trust" for the purposes of the analysis, the groups of respondents were identified that differ in the integral index of trust, which characterizes the available social capital. It was found that groups of respondents with a higher trust index demonstrate more positive assessments of their financial situation, which can be considered as a result of the use of the existing volume of social capital and more successful adaptation to the conditions that have changed. The study of resources for the adaptation of the region's population will make it possible to assess the existing opportunities, identify sources of adaptive resources, understand the mechanisms of social adaptation, and make adequate management decisions in support of the needy groups.

Socio-economic adaptation, adaptation strategies, crisis, adaptation resources, intangible resources of adaptation, social capital.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Guzhavina Tat'yana Anatol'evna – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Leading Researcher at the Laboratory for Socio-Economic Research, Department for Research of Living Standards and Lifestyles. Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences". 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: tanja_gta@mail.ru. Phone: +7(8202) 55-79-23.